

Лин Цзыхань, вопреки обыкновению, отошёл далеко от остальных и принялся рыть укрытие у высокой пихты. Дерево ему очень нравилось.

К тому времени, как он выкопал яму, в которой можно было укрыться, небо почернело окончательно.

Снег шёл крупный, частый, словно ливень, беззвучно устремляясь вниз.

Свернувшись калачиком у стенки ямы, Лин Цзыхань молча наблюдал, как снег опускается перед входом, постепенно накапливаясь. В ночи белизна отбрасывала слабый отсвет, и в этой безмолвной тишине сердце обретало странное спокойствие.

Он не шевелился, глядя, как снежный покров растёт, пока наконец не скрыл вход полностью. Казалось, его замуровали в чистой хрустальной гробнице, и на душе стало светло и радостно. Уснуть навеки в таком месте — достойная смерть.

На рассвете бойцы отряда «Дикий волк» выбрались из своих укрытий, бодрые и готовые к выступлению. Построившись, Лин Цзин недосчитался Лин Цзыханя, лицо его тут же потемнело, и он приказал немедленно найти этого наследного принца.

Земля была белым-бела, снег лежал по колено, и невозможно было разглядеть, где ямы, где ухабы. Бойцы бросились на поиски, но никто не мог вспомнить, где именно Лин Цзыхань рыл укрытие накануне.

Не видя ни малейшего движения, несколько командиров отделений забеспокоились. Они взглянули на Лин Цзина, затем разошлись, чтобы присоединиться к поискам. Некоторые бойцы, не выдержав напряжения, уже кричали: «Заместитель Лин! Заместитель Лин!»

Зов становился всё громче, но ответа не было. Лин Цзин тоже заволновался и приказал начать сплошной поиск.

Примерно через полчаса кто-то закричал: «Здесь!» — и принялся разгребать плотный снег. Остальные бойцы поблизости поспешили на помощь.

Лин Цзин быстро подошёл. Пробираясь по снегу по колено, он с трудом добрался до места, но вход уже расчистили.

Лин Цзыхань, слабый, прислонился к ледяной стенке ямы, лицо его побелело до синевы. Если бы снег не был рыхлым и воздух не просачивался сквозь щели, он бы уже задохнулся. Он не отзывался, не собирался отвечать на зов снаружи — намеренно желал остаться здесь навсегда. Чисто, раз и навсегда.

Первым же взглядом Лин Цзин понял: хотя глаза Лин Цзыханя открыты и спокойны, в них нет ни капли жизни. В этот миг всё прежнее пренебрежение и неприязнь улетучились, уступив место тревоге. — Заместитель Лин, как вы себя чувствуете? — не удержался он.

Лин Цзыхань с безвыходной лёгкой улыбкой тихо ответил:

— Командир Лин, я решил сдаться. Ухожу из отряда «Дикий волк», из армии... Идите своей дорогой, не беспокойтесь обо мне. Я уйду сам.

Услышав наконец, что тот сломался и отступает, Лин Цзин, всегда мечтавший от него избавиться, не почувствовал ни капли радости. Глядя на горькую, безысходную усмешку на

лице Лин Цзыханя, он ощутил, как сердце его болезненно сжалось. Голос его смягчился:

— Заместитель Лин, вылезайте сначала, поезжайте на санитарной машине. Отдохнёте как следует, потом и поговорим.

Лин Цзыхань же в тот момент чувствовал лишь накатывающие волны ледящего холода и боли, терзавшие внутренности и всё тело. Казалось, его парализовало, руки и ноги онемели, будто тысячи игл впивались в кожу, и они совсем не слушались. Мягко съёжившись в яме, он лишь улыбался и медленно говорил:

— Командир Лин, идите, не беспокойтесь обо мне.

Лин Цзин смотрел, как его лицо из мертвенно-белого становится синеватым, а затем постепенно переходит в землисто-серый цвет, и сердце его ёкнуло:

— Заместитель Лин, что бы ни было, выбирайтесь сначала.

Перед глазами Лин Цзыханя поплыло, все силы оставили его, дышать становилось всё труднее. Он спокойно закрыл глаза и тихо сказал:

— Командир Лин, закройте вход. Эта могила мне нравится...

Лин Цзин в ужасе протянул руку и схватил Лин Цзыханя. Рука была не просто холодной, а одеревеневшей, пульс едва прощупывался. — Врача! Носилки! Быстро! — крикнул он.

Бойцы засуетились, принесли складные носилки, разложили их на снегу.

Когда подбежал военврач, Лин Цзин уже вытащил Лин Цзыханя, полувытащив-полуобняв, и уложил на носилки. Лин Цзыхань был без сознания, лицо серо-синее, дыхание едва заметное. Врач, осмотрев его, переменялся в лице:

— Командир Лин, заместителя Лина нужно срочно в госпиталь. Состояние критическое.

Лин Цзин тут же кивнул:

— Хорошо, сопровождайте его, в ближайшую больницу в Алтае.

Врачи в алтайской горбольнице были неопытны, не понимали состояния Лин Цзыханя и почти ничего не могли сделать. Они провели лишь стандартные реанимационные мероприятия, а дальше не знали, что предпринять.

Лин Цзыхань оставался в коме, положение ухудшалось. Больница трижды выписывала уведомление о критическом состоянии, некоторые врачи и медсёстры уже намекали Лин Цзину, что пора готовиться к худшему.

Тут Лин Цзин и впрямь забеспокоился. Пусть он и не любил этого «наследного принца», но лишь хотел выжить его, а не смерти ему.

Стоя у постели Лин Цзыханя и глядя на его исхудавшее бледное лицо, Лин Цзин вдруг заметил, что у этого ещё не достигшего тридцатилетия молодого человека на висках уже пробивается седина. Он стал вспоминать всё, что происходило с первого дня прибытия Лин Цзыханя в отряд «Дикий волк», и тогда обратил внимание: этот юноша из знатной семьи, который должен бы жить в роскоши и беззаботности, хоть и всегда улыбался, но, кажется, никогда по-настоящему не был счастлив. Это было совершенно необъяснимо. И тут он

вспомнил, как Чжао Ань упоминал, что Лин Цзыхань страдает депрессией...

Дошло до такого, что скрывать стало невозможно. Он немедленно позвонил в Пекин, разыскал Лэй Хунфэй и сообщил ему, что Лин Цзыхань при смерти. В конце искренне добавил:

— Старина Лэй, я не знаю, как связаться с семьёй заместителя Лина, пожалуйста, передай им.

— Хорошо, я свяжусь, — серьёзно ответил Лэй Хунфэй. — Я тоже скоро приеду.

На следующий день Тун Юэ с группой экспертов и большим количеством специальных лекарств на военном самолёте, предоставленном Министерством обороны, вылетел прямо из Пекина в Алтай.

Главврач, узнав этого всемирно известного специалиста, отнёсся с огромным почтением:

— Профессор Тун, вы лично прибыли?

— Да. Я отец Лин Цзыханя. Его отца сейчас нет, поэтому приехал я, — вежливо кивнул Тун Юэ и, объяснив, вместе с экспертами поспешил в палату Лин Цзыханя.

Он и те специалисты хорошо знали историю болезни Лин Цзыханя. Внимательно изучив данные с различных мониторов в палате, они приступили к срочным реанимационным мероприятиям.

Под руководством Тун Юэ спасательные работы продолжались целую неделю, прежде чем состояние Лин Цзыханя наконец стабилизировалось. Тун Юэ немедленно погрузил его в санитарную машину и перевёл в Главный армейский госпиталь в Урумчи для дальнейшего лечения. Лететь на самолёте он пока не мог — даже небольшие перегрузки при взлёте и посадке были бы для него непосильны, иначе Тун Юэ сразу бы вернул его в Пекин.

В это время Лэй Хунфэй неожиданно появился в Урумчи вместе с Нин Цзюэфэем, и оба сразу направились в госпиталь, полные тревоги дежурили там. Оказалось, штурмовой отряд «Молния» тоже прибыл в Синьцзян на тренировки, чтобы подготовиться к осуществлению многонационального антитеррористического плана Лин И.

Очнувшись, Лин Цзыхань испытал глубочайшее сожаление. Каждый раз, теряя сознание от невыносимой боли, он надеялся уже не проснуться, но, как назло, люди всегда находили способ вернуть его к жизни.

Лэй Хунфэй, увидев, что Лин Цзыхань открыл глаза, несказанно обрадовался:

— Братец, ты меня совсем заставил поволноваться.

— Старший брат Лин, ты наконец очнулся, это прекрасно, — просиял Нин Цзюэфэй. — Всего несколько месяцев не виделись, как же ты до такого дошёл?

Лин Цзыхань смотрел на них, с усилием улыбнулся и слабо произнёс:

— Моё тело... слишком меня подводит.

Как раз в этот момент Лин Цзин с тремя командирами батальонов пришёл навестить Лин Цзыханя. Достигнув двери палаты, они услышали разговор. Лин Цзин тут же замер, за ним остановились и командиры.

Лэй Хунфэй глядел на лучшего друга за всю свою жизнь, на того, кого любил больше всех, и сердце его нестерпимо ныло. Не сдержался, вырвалось:

— Цзыхань, возвращайся в Пекин.

— Хорошо, — Лин Цзыхань слабо кивнул. — Я уже решил сдаться. Как выпишусь, вернусь в Пекин и уйду из армии.

<http://bllate.org/book/16287/1468979>